

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Изучение экономической истории предполагает активное использование методологии как фундаментальных, так и прикладных экономических дисциплин. Значительный исследовательский потенциал сосредоточен в рамках таких направлений как маркетинг и менеджмент, которые развиваются наиболее динамично, в силу их практической направленности. Рассмотрение такого специфического периода отечественной истории, каковым является новая экономическая политика, в качестве модели управления позволяет как актуализировать ряд тем, так и рассмотреть их под иным ракурсом. Формирование нэповской модели управления основано на признании ее неоднородности и противоречивости. Речь может идти не об одной модели, а нескольких моделях как находящихся в единстве, так и вступающих в конфликт друг с другом. Учитывая многообразие моделей, которые могут быть использованы при анализе нэповских реалий, мы остановимся на двух: модель управления многоукладной экономикой и территориально-рыночная модель региональной политики. Актуальной задачей является проблема соотношения теоретических построений и эмпирического опыта при построении и реализации моделей управления в процессе социального конструирования.

Ключевые слова: новая экономическая политика, модель, уклад, многоукладность, план, рынок, экономика, политика, регион

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

Теория социального конструирования позволяет рассмотреть процесс разработки, модификации и реализации различных моделей управления применительно к реалиям раннесоветского общества в целом и новой экономической политики в частности. Если рассматривать управление как воздействие субъекта на объект с определенной целью, то управлять – это значит руководить, направлять деятельность. Управление рассматривается как «элемент и одновременно функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и цели деятельности» [Теория управления, с. 18].

Модель – это продукт моделирования, то есть процесса, в котором участвуют объект моделирования и субъект, то есть тот, кто это моделирование непосредственно осуществляет [Теория управления, с. 33]. Категория «модель управления» является одной из ключевых в науке и практике управления. Это обусловлено тем, что любой субъект управления стоит перед вопросами: как управлять тем или иным объектом, какие управленческие стратегии, рычаги и технологии использовать, чтобы эффективно решать стоящие перед ним задачи.

Процесс формирования модели управления может быть реализован различными способами [Теория управления, с. 34]:

1. Модель может быть взятой уже готовой, имея в виду, что мировой и отечественный опыт практического менеджмента предоставил немалое количество моделей, которые в свое время и при определенных условиях дали положительный результат. Отметим, что способ прямого копирования не всегда бывает эффективным.

2. Можно сконструировать модель по «методу сборки» из готовых «деталей», которыми будут являться наиболее эффективно работающие элементы различных моделей управления. Этот подход предполагает широкую эрудицию и точный «глазомер» разработчика, т. к. в противном случае вместо

синергии получится хаос, а отдельные элементы будут подавлять потенциал других.

3. Можно выбрать базовую модель управления, которая в максимальной мере отвечает предъявляемым требованиям, исключить из неё нежелательные элементы, разработать и встроить в нее новые элементы, которые отвечают специфическим особенностям управляемого объекта и условиям его функционирования.

4. По нашему мнению, в ряде случаев, в условиях неопределенности и при отсутствии четкого представления о заданных параметрах будущей модели, за основу может быть взята антагонистическая модель, а затем формируется ее антипод, т. е. система в максимальной степени исключая черты оригинала. Своего рода метод проектирования «от противного». Однако, как показывает практика, антагонисты, постоянно враждующие системы, становятся схожи. Поэтому в данном варианте есть риск воспроизводства, правда, в искаженном виде той модели, которая первоначально рассматривалась как антагонистическая.

5. Самый креативный, но одновременно и рискованный способ, это путь радикальных инноваций. Можно создать и запустить принципиально новую модель, опирающуюся на совершенно новую парадигму, способную уловить едва намечившиеся изменения во внешней среде, которым суждено стать доминантными в будущем. В этом случае, даже при слабых исходных позициях, можно добиться преимуществ в борьбе с сильным противником, сломав стереотипы, изменив навязанную вам повестку и правила игры, тем самым нейтрализовать первоначальное превосходство «старых» моделей. Радикальные социальные преобразования, революции, идут зачастую по этому пути, однако, впоследствии, при стабилизации режима и закреплении на завоеванных позициях, вынуждены прибегать к более традиционным моделям управления.

В нашем представлении при моделировании нэпа использовались третий и четвертый варианты, т. к. речь шла об адаптации концепции построе-

ния социализма в слаборазвитой стране, а в качестве «антипода» рассматривался «военный коммунизм».

В менеджменте выделяют целый ряд критериев классификации и соответствующие им модели управления: по виду преобладающей собственности на средства производства; по степени рыночного влияния на экономику; по масштабу и уровню управления; по характеру реализации властных полномочий; по месту человека в системе производительных сил; по территориальному происхождению, зарождению и месту широкой адаптации; по принадлежности к соответствующим школам менеджмента; по отношению к изменениям во внешней и внутренней среде и т. д. [Теория управления, с. 35–36]

В сфере корпоративного управления принято выделять модели по способу аккумуляции капиталов (инсайдерская и аутсайдерская модель) и по способу принятия решений и учета мнения миноритарных акционеров (авторитарная, демократическая). Особое внимание уделяется национальным особенностям, различия которых обусловлены институциональной средой, в которой действует корпорация (англо-саксонская, японская, германская). В рамках этого направления особое внимание уделяется российской модели управления [Прохоров], которая характеризуется как инсайдерская, предпринимательская, переходного периода, адаптивная.

Закономерно возникает вопрос – насколько нэповская модель согласуется с национальной моделью или она является «отступлением» от традиции? [Килин, 2009]

На основе предложенной классификации можно охарактеризовать нэп как модель с доминированием (или насаждением) социалистической собственности на средства производства; модель централизованного планового управления с элементами рынка; макромодель, которую предполагалось реализовать на территории всей страны; авторитарная; на грани доиндустриальной и индустриальной, учитывая аграрно-индустриальный характер экономики; сочетающая в себе как традиционно российские элементы, так и совет-

ские, выступающие в качестве новаций; тяготеющая к «административной школе» менеджмента; как ситуационную и адаптивную модель. Источники инвестиций предопределили формирование инсайдерской модели корпоративного управления.

Отметим, что по нашему мнению, можно говорить не об одной модели, а о ряде моделей управления, которые были реализованы в 1920-е гг., а противоречия нэпа могли вытекать не только из противопоставления политики и экономики, но и из разнонаправленного воздействия на экономику различных моделей управления.

Полярность понятий, дихотомия, противопоставления – не всегда могут отразить всего многообразия действительности, поэтому на смену классовому подходу приходит теория стратификации, а на смену пары «капитализм – социализм» – теория многоукладности. В политических целях, при доминировании идеологических установок, напротив, картина обедняется и конфронтационный подход, основанный на антагонизме и противопоставлении двух систем, становится более популярным, востребованным и удобным в проведении пропагандистских кампаний.

Мы можем говорить о формациях как о моделях социально-экономического развития, а об укладах – как категориях более низкого порядка, как о результатах этого моделирования, сочетающих в себе как теорию, так и эмпирику [Многоукладность России, с. 42]. Происходит конструирование уклада путем модификации первоначальной идеи в реальной среде и под воздействием объективных условий, что приводит к появлению новой формы, которая по своей сути может существенно отличаться от оригинала («советский социализм»).

Как известно, В. И. Ленин выделял пять «систем», «укладов» или «экономических порядков», при этом оговаривался, что это тот минимум, «который мы наблюдаем». Можно предположить, что этих укладов могло быть намного больше. «Первое – патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии ко-

чевом или полукучевом, а таких у нас сколько угодно; второе – мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье – капиталистическое, – это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое – государственный капитализм, и пятое – социализм» [Ленин, с. 158]. Б. Д. Бруцкус считал, что говорить о госкапитализме при нэпе было бы ошибкой, потому что «ярлыки обманчивыми, т. к. получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы» [Бруцкус, с. 118]. В. П. Тимошенко, рассматривая причины перехода к автаркии в экономике страны, заметил, что «в изолированной от внешнего мира стране можно было назвать социализмом все, что угодно» [Тимошенко, 2010, с. 91].

При анализе современной ситуации экономисты выделяют другой набор укладов, что обусловлено как более широким толкованием этого термина, так и более сложными хозяйственными связями и множественностью факторов, влияющих на хозяйствующие субъекты. И. В. Троцук отмечает: «Авторы предлагают следующую типологию укладов: сельский (соответственно, может быть и городской), рыночный (в качестве примера выступает частнопредпринимательский) и нерыночный (например, семейный), государственный, неформальный (правда непонятно, синонимичен ли он неформальной экономике как более устоявшейся лингвистической конструкции или чем-то принципиально отличается), диаспорный и кооперативный (имеющий в российском обществе давнюю и весьма успешную историческую традицию, но принявший в советский период ложный, дефективный, а в постсоветский период – квазигосударственный, а потому неэффективный номинальный характер)» [Троцук].

Примечательно, что «важной стороной развития уклада является его относительная открытость, динамизм и перекрестное состояние его субъектов. ...В каждый из укладов вмещаются различные стороны жизнедеятельности как отдельных групп людей, так и отдельного человека. Это означает, что один и тот же человек может быть отнесен к различным укладам в зависимости от того, как им самим ранжируются окружающая его среда, какую сторо-

ну жизнедеятельности он определяет для себя в качестве главенствующей. Отсюда говорить о принадлежности различных социально-экономических групп и личностей к какому-либо укладу достаточно сложно, поскольку один и тот же субъект может олицетворять собой несколько укладов, поэтому затруднительна структуризация укладов с точки зрения их количественного наполнения» [Многоукладность России, с. 19–20].

Такая постановка вопроса ставит перед исследователем проблему формирования идентичности индивидуума. В качестве примера можно привести рабочих на предприятиях Урала, особенно в малых городах и рабочих поселках, которые были вовлечены в сельскохозяйственную деятельность и которых характеризовали как «полурабочие-полукрестьяне». Они были вовлечены как в государственный уклад, если предприятие находилось в государственной собственности, так и в частнопредпринимательский, если они работали на частном предприятии, а также в патриархальный или семейный уклад – занимаясь обработкой земли [Кишин, 2017].

Доминирование государственного уклада и огосударствление всех прочих (через систему надзора и контроля, ограничение правоспособности, фиск, межбюджетные отношения, подавление конкуренции, нормированное распределение и ценообразования и т. п.) приводили к деформации многоукладной экономики, делая ее функционирование ущербным. «Ограничение на развитие рыночных отношений, так же как и их деформированный характер, приводили к тому, что все остальные, кроме государственного, уклады, без которых в принципе невозможно развитие социально-экономических отношений в стране, прежде всего мелкотоварный, вынуждены были становиться неформальными. Они развивались параллельно с разрешенными и институционально оформленными, что нарушало узаконенную систему общественных отношений, но в тоже время объективно давало этой системе возможность функционировать, и даже развиваться» [Многоукладность России, с. 26]. В этой связи нэп можно рассматривать как период адаптации мелкотоварного и частнокапиталистического укладов к условиям доминирования

государственного сектора. Государство, уничтожая частный сектор, создавало дефицит товаров и услуг, что способствовало становлению теневого сектора экономики.

Помимо экономических, ограничение многоукладности можно рассматривать и с точки зрения политических процессов, в частности, развития демократии. «В основе становления и развития гражданского общества в развитых странах лежит его многоукладность, то есть возможность создавать многообразные государственные структуры различными социальными группами в целях реализации своих гражданских и политических амбиций и защиты своих социально-экономических интересов» [Многоукладность России, с. 26]. Ликвидация многоукладности приводила к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях советской России, как минимум, оказывалась проблематичной. Говорить о подлинной самостоятельности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, мелкотоварного или частнособственнического укладов. Проблема существования «замкнутого круга частного сектора хозяйства», которая активно обсуждалась в 1928–29 гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывали с контрреволюцией [Килин, Мобилизационная..., 2016].

Учитывая специфику СССР как полиэтнического государства с ярко выраженной асимметрией в уровне социально-экономического развития отдельных регионов, необходимо рассмотреть и региональную политику в 1920-е гг. как модель управления.

И. Б. Орлов выделил факторы, которые предопределяли специфику реализации нэпа на различных территориях: миграция, геополитическое положение региона, ландшафтно-географические условия, особенности экономической специализации и социальной организации региона, сохранение очагов Гражданской войны, сепаратистские тенденции, демографические и национально-конфессиональные особенности населения, административные «пе-

ределы», длительность и прочность позиции коммунистов в регионе, уровень профессионализма местной власти [Орлов, с. 37–48].

В соответствии с системой регионоведческого описания эти факторы могут быть представлены в следующем виде:

- Географическое положение – предопределяет природно-климатические условия региона, выход к морям, удаленность от государственных границ или приграничное положение.

- Ресурсный потенциал, который включает в себя: пространственные, климатические, природные и антропогенные ресурсы.

- Отраслевая структура региона: отрасли специализации, уровень комплексного развития, возможности диверсификации, степень развития многоукладности, т. е. наличие различных укладов и характер связей между ними (рыночные, плановые начала – зачастую степень «рыночности» предопределялась наличием отраслей производящими потребительские товары), степень экономической автономии в т. ч. связанной с уровнем бюджетной обеспеченности региона, интенсивность товарообменных операций. Все регионы формировались как «регионы для страны» и тем самым вписывались в единую систему хозяйства страны, но степень вовлеченности была разная – какой объем валового регионального продукта шел на обеспечение потребностей самого региона, а сколько на удовлетворение общесоюзных потребностей.

- Социально-демографические особенности: социальная структура населения, численность, плотность, естественный прирост, миграция, этническая и конфессиональная структура.

- Политические факторы: степень зрелости и уровень консолидации региональной элиты (партийной, хозяйственной, культурной), политический спектр (степень влияния партий и движений, в т. ч. региональных), сепаратизм, зрелость и укорененность органов советской власти, уровень лояльности Центру, характер взаимоотношений Центра и периферии, интенсивность этих связей, наличие и влияние региональных органов управления.

- Уровень консолидации региона в рамках самостоятельных административно-территориальных или национально-государственных образований, либо включенность в административно-территориальные единицы более высокого ранга. Экономическое районирование – его адекватность реально сложившимся хозяйственным связям.

Формирование региона не может основываться исключительно на одном признаке, пусть даже очень существенном. В материалах комиссии по изучению районирования Наркомфина СССР отмечалось, что сама «возможность построения экономически действительно законченного района является в большей или меньшей степени утопической» [РГАЭ. ф. 7733. оп. 2. д. 1121. л. 12].

Идея тотального планирования предопределила стремление совместить границы административно-территориальных единиц с границами экономических регионов, при этом в качестве каркаса экономики региона рассматривалась промышленность, зачастую только тяжелая. Такое специфическое видение было предопределено идеологическими установками на необходимость приоритетного формирования индустриального уклада в СССР и инвестирование, прежде всего в производство средств производства [Гершенкрон, с. 118]. Доказать преимущество социализма стремились не путем повышения жизненного уровня населения, а победой над развитыми странами в производстве средств производства. Внешний факторы - «догнать и перегнать» и милитаризация экономики в преддверии очередной мировой войны, которая была предопределена враждебным капиталистическим окружением.

Проблема региональной политики состоит в поисках оптимального соотношения роли государства и иных акторов, в формировании таких «правил игры», которые позволяют реализовывать как интересы государства по отношению к регионам, так и собственные интересы самих регионов.

Формирование в годы нэпа территориально-рыночной или регионально-корпоративной модели региональной политики предполагало предоставления больших прав регионам [Тимошенко, 2005]. В рамках этой модели

проявили себя следующие тенденции: децентрализация, делегирование союзными и республиканскими властями полномочий региональным властям; преобладание территориального принципа управления экономикой через советы народного хозяйства; формирование многоукладной экономики, соответствующей уровню социально-экономического развития региона и отражающей его специфику; кооперирование и интеграция предприятий различных форм собственности на одной территории; наличие конкурентной среды как внутри региона (между хозяйствующими субъектами), так и на уровне страны (между отдельными регионами, которые выступали как товаропроизводители и объекты инвестиций); формирование региональных элит, имеющих политические и экономические ресурсы для лоббирования региональных интересов.

Очевидно, что рассмотренные нами модели взаимосвязаны и взаимобусловлены. В их основе лежит идея децентрализации, допущение многообразия форм собственности и видов хозяйственной деятельности, признание региональных отличий и делегирование части полномочий Центра регионам.

На пересечении этих двух моделей могут быть выделены новые уклады, например, «горнозаводский» – сочетающий в себе начала индустриального и аграрного уклада, сложившийся в провинциальных городах и рабочих поселках Среднего Урала [Килин, Урбанизация, 2016]. С. В. Виноградов рассматривал закономерности развития многоукладной экономики, в т. ч. региональную специфику на примере Нижнего Поволжья (рыбопромысловый уклад) [Виноградов]. Ю. Л. Слэзкина детально рассмотрел патриархальный уклад малых народов Севера [Слэзкин]. Анализ диаспорного уклада возможен не только в рамках национально-государственных, но и административно-территориальных образований. Примером могут служить цыганские колхозы [Килин, 2005] или хозяйственная деятельность этнических общин в крупных городах.

Бруцкус Б. Результаты экономического планирования в России. / Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб., 1995.

Виноградов С. В. Возрождение многоукладной экономики Российской федерации в годы нэпа. 1921–1927 гг.: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. Астрахань, 1998.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. М., 2015.

Килин А. П. «Смычка» города и деревни: политика государства или практика выживания? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2017. № 1 (250). Вып. 41. С. 133–141

Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 56–63.

Килин А. П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации. / Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. С. 187–226; [Электронный ресурс] / Официальный сайт департамента «Исторический факультет». URL: <http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/5/Kilin.doc> (дата обращения: 31.07.2017)

Килин А. П. «Советский период» в контексте формирования национальной модели управления. // История управленческой мысли и бизнеса: Национальные модели управления: вчера – сегодня – завтра. X Международная конференция; Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова. Экономический факультет, 29–30 июня, 1 июля 2009 г.: Материалы конференции / Под. Ред. В. И. Маршева. М., 2009. С. 74–86.

Килин А. П. Урбанизация и рурализация в городах Уральской области в годы нэпа. / Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы

развития. Материалы межрег. конф., приуроч. к 280-летию г. Челябинска, 30 сентября–1 октября 2016 г. / Сост. Ю. В. Краснова. Челябинск, 2016. С. 43–53.

Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии. 09.04.1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 43 (март–июнь 1921 г.). С. 158 [Электронный ресурс] // Всесоюзная коммунистическая партия большевиков. Теория и практика большевизма. Библиотека. URL: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/43.pdf> (дата обращения: 31.07.2017)

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы : [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т экономики ; [отв. ред. Т. Е. Кузнецова]. М., 2009.

Орлов И. Б. НЭп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию. // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33–54

Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2007.

Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слѣзкин; авторизиров. пер. с англ. О. Леонтьевой; предисловие П. Верта; 2-е изд. М., 2017.

Теория управления : учебник / [Ю. П. Алексеев, А. Н. Алисов, Ю. Н. Барышников и др.] ; под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации [и др.] . 2-е изд. М., 2005

Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95.

Тимошенко В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики. // Уральский исторический вестник. 2010. № 3(28). С. 84–93.

Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 510–514.